

Олеся ЯНГОЛ

Юрмала, Латвия

рассказы

Иллюстрации автора

Часть первая

Санька живет в обыкновенном городе, и ничего необыкновенного в нем нет. Вот только на одной улице стоит фабрика. Кондитерская. И пекут на ней настоящие пряники. Вот она-то как раз очень необыкновенная. А все потому, что, когда она начинает работать, на полгорода такие ароматы слышны, что у всех прохожих сразу настроение поднимается. Они начинают улыбаться друг другу и даже здороваются совсем с незнакомыми людьми. А аромат самый что ни на есть пряничный. Взрослые сразу вспоминают детство. А дети детство не вспоминают, потому что им его еще не надо вспоминать. Они же пока еще дети.

Рядом с этой фабрикой как раз Санька и живет. Она пока еще тоже ребенок. И когда

Санька куда-нибудь уезжает, в другие города или к бабушке в село, например, она всегда говорит, что приехала из Пряничного города. Потому все и знают ее как Саньку из Пряничного города.

У Саньки уже приключилось столько историй, что их срочно надо поведать миру. Для чего? Ну, для того хотя бы, чтобы люди прочитали и улыбнулись и, может быть, даже вспомнили о своих детских приключениях. Ведь в детстве, согласитесь, здорово было жить.

Саньке на своей улице очень интересно. Друзей видимо-невидимо. Игр столько, что за целый день не переиграть. Да еще Санька постоянно что-нибудь выдумывает. Так, однажды, одним летним днем, она решила... стать дирижером.

КАК САНЬКА БЫЛА ДИРИЖЕРОМ

Санька всегда была заводилой. Почему так у нее получалось, она не знала. Но вся детвора из близлежащих дворов участвовала в играх, придуманных именно ею.

Вот и на этот раз пришла ей в голову интересная идея — до жути захотелось организовать свой хор. И чтобы по-настоящему, как в телевизорах показывают — на сцене и со зрителями. Придумалось быстро, а реализовалось еще быстрее. В Санькином дворе была агитплощадка. Это такая площадка, на которой стоят лавочки в два ряда и настоящая сцена с крышей-улиткой. Раз в неделю приезжали артисты в костюмах с бабочками и длинных платьях с розами на груди. Они пели с настоящими микрофонами и танцевали под музыку, вырывающуюся из огромных колонок. Вся площадка заполнялась жителями окрестных дворов, распахивались окна в домах, и начинался праздник.

Обычно вокруг Саньки всегда крутилась стайка ребятни, а потому хор организовался в пять минут.

— Кто будет играть в хор? — был брошен клич Саньки.

— Я!

— Я!

— И я!

— Я тоже!

Человек десять хористов выстроилось в нестройный рядок на сцене. Санька нашла длинную веточку, потому что без этой самой веточки дирижер вовсе и не дирижер. И эта необходимая деталь тут же придала ее статусу важности. И весь хор понял, что это вам не так себе, это все по-настоящему. Санька же, войдя в роль дирижера, с энтузиазмом принялась

за дело. Расставила хористов в два ряда. Самых высоких — во второй ряд, тех, кто пониже, — в первый. Вот хор и сформирован. Остался самый важный вопрос — что петь? Вот только на ум почему-то не приходило ни одной песни. И все хористы, и дирижер стояли задумавшись, вспоминая. Кто-нибудь неожиданно выкрикивал:

— А может быть... Ой, нет, это неинтересно.

— А может, эту?

Но почему-то не вспоминались слова, а если и вспоминались, то не все. В общем, репертуарный кризис.

Санька почувствовала критический момент. Помедли она еще немного с предложением, и желание играть в

хор улетучится. И она лихорадочно

начала вспоминать. И, как

это порою бывает

в миг отчаяния, неожиданно

рождается... Да, рождается чудо! Она

не вспомнила ни одной песенки, но она придумала!

— У нас будет грузинский хор! — воскликнула Санька.

— На кого укажу дирижерской палочкой, тот начнет петь. Укажу на другого — он подхватит, потом на третьего. Так у нас и получится

целый хор.

— А что петь-то, мы ж грузинского не знаем.

— Вы что, никогда не смотрели грузинских фильмов? Помните, как там они поют? Вот и вы так же пойте!

Сказано — сделано. Видимо, действительно всем хотелось петь. И полились голоса, ясные, чистые, громкие. Дирижерская палочка летала над сценой, указывая то на одного, то на другого.

— Аа-аа-а-а-а-а, — пел один громко.

— М-м-м-мм-м, — подхватывал другой еще громче.

Нравилось всем. И казалось, что это уже не

Санька

двор, а концертный зал, и зрители, зрители... И они аплодируют и вызывают на бис.

— Это не двор, а дурдом какой-то!

— Мы сейчас участкового позовем!

— Да что участковый! Сейчас я им всем по очереди уши-то пообрываю. Разорались на всю улицу!

Но ни дирижер, ни хористы ничего этого не слышали. Они рождали звуки, они уже видели грузинские горы, высокое небо и парящих в облаках орлов. И дирижерская палочка легко и изящно парила над сценой.

Но вдруг она каким-то чудом вырвалась из рук, обогнула уверенную дугу над головой и задела то самое место. Ну, в общем, то самое место! Санька почувствовала острую, жалящую боль...

— А ну прекратите! Разорались! Вот сейчас родителей-то позовем — будете знать!

Чудесная волшебная мелодия голосов распалась нестройными нотками, парящий орел скрылся за облаками. Санька медленно повернулась и увидела целую когорту бабок в пестрых платочках. Те зловеще сверкали очками и грозили клюками. Да, сказка разрушилась, пришлось ретироваться. Против такой силы не попрешь. Саньке сделалось как-то грустно. Ей думалось: неужели они не видели грузинские горы, высокое небо и парящих в облаках орлов? Наверное, они просто не смотрят грузинские фильмы.

А жаль. Жаль, товарищи-граждане-господа. Жаль, что вы не смотрите грузинские фильмы. Они бы многому вас научили. И может, однажды и вы увидели бы и грузинские горы, и высокое небо, и парящих в облаках орлов.

КАК САНЬКА СТРОИЛА ДОМ

Зима, сугробы выше головы. После домашних уроков выбегаешь на улицу, красота! Смеркается уже, темнеют силуэты домов, то тут, то там зажигаются уличные фонари.

Санька увидела выброшенную елку. Кое-где мишура блестит, даже елочные игрушки сохранились.

— Будем играть в Новый год! — предлагает Санька друзьям.

Сказано — сделано. И начались приготовления. А приготовления к игре — это даже еще

интереснее, чем сама игра. Надо много чего сделать. Во-первых, место для дома найти, во-вторых, дом обставить. В общем, дел на весь вечер — торопиться надо.

Дом сразу нашелся. Это сцена на агитплощадке. Сцена большая, тут и не одну комнату можно сделать, а целых две. В Санькиной голове уже вся схема родилась.

— Вот тут будет вход, — обозначает она один из углов сцены ветками рябины, — а здесь, посередине — стена, а за ней вторая комната. А здесь мы поставим елку.

Всем нравится, все рады. Сцену от снега расчистили, теперь и елку ставить. Взяли-подняли-понесли.

— Куда ж вы ее сквозь стену несете? — кричит Санька. — Вот же вход в дом, а тут стена с окнами!

Друзья недоуменно шапки мнут, не понимают. Какая же тут стена с окнами, когда тут никакой стены и тем более окон не видно. Сцена она и есть сцена. Сверху крыша-улитка, по бокам резные решеточки. А перед сценой никаких стен нету. Да если бы здесь стены были, как бы тогда зрители представления всякие смотрели?

Но елка уже в «доме», и ребята ловко окапывают ее снегом, чтобы прочно стояла. Делать нечего, Санька с досадой махнула рукой и мысленно отремонтировала разрушенную стену и разбитые окна.

Теперь надо мебель найти. Стол, стулья, полочки всякие. Кто-то и вправду нашел колченогий стул на трех ножках. Несет, радуется.

— Во теперь какая у нас мебель есть! Самая настоящая!

И вновь сквозь «стену» пронес и бровью не повел.

— Да ты что?! — кричит Санька. — Что ты наделал?!

— Что, что — мебель в дом принес, — довольно потирает руки друг. — Смотри, какой стульчик, на нем даже сидеть можно.

Садится и тут же падает под дружный смех товарищей.

— Я же объясняла, что тут стена, а дверь — здесь, сбоку. Ты что, не мог стул в дверь пронести? Ты же опять все окна побил!

— А я полочку нашла и кастрюльку, — вскакивая на сцену, радостно воскликнула одна девочка.

— Ой, да вы... Да вы весь дом постоянно рушите и не видите даже! — воздевая руки к небу, кричит Санька. — Я же объясняю: надо через дверь ходить, вот здесь, где веточки лежат. Неужели непонятно?!

Друзья стоят, недоуменно переглядываются. Как эту Саньку понять? Где она тут стены с окнами видит? И дверь какую-то выдумала.

— Ну тебя, Санька, вечно ты все выдумываешь, — обижаются друзья.

Играть уже не хочется, да и домой пора. Совсем стемнело, и слышны голоса родителей.

— Ну и идите! — Санька тоже обиделась. — Домой-то вы к себе через дверь пойдете, а тут, значит, все можно. Тут, значит, все не по-настоящему. Да у вас просто воображения нет, вот вы и не видите, какой мы настоящий дом построили.

Но все это она уже произносит в одиночестве. И лишь елка, выброшенная на второй день после Нового года, слышит ее и понимает. Ей-то тоже знакомо, что такое отсутствие воображения.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Однажды летом Санька познакомилась с Виталькой.

И началось!

Обычно он приходил за ней рано утром и они бежали на улицу. Садились на лавку под цветущей акацией, и Виталька раскрывал толстую старую книгу с картинками.

Санька уже давно поняла, что это волшебная книга. И то, что эта книга была Виталькина, делало и Витальку немножко волшебником. Санька это так для себя решила.

Волшебная книга с волшебными словами.

Виталька читал:

«Alice was beginning to get very tired of sitting by her sister on the bank...»¹

Санька заворуженно слушала и ничего не понимала. Нет, она, конечно, уже начала изучать английский. А до двенадцати умела считать чуть ли не с детского сада, но она ничегошеньки не понимала из того, что читал Виталька.

А он так увлеченно читал. Менял голос — то

тише, то громче, то загадочнее. То смеялся или настораживаясь. Жестикულიровал руками и читал, читал, читал...

А Санька слушала, слушала, слушала...

И смотрела на Витальку и уже точно знала, что он волшебник.

А Виталька прочитает абзац и спрашивает Саньку:

— Понимаешь?

Санька, не отрывая от Витальки взгляда:

— Ага.

А почему она сказала «ага», и сама не поймет. Выходит, это она врет Витальке? Выходит, она его обманывает?

А Виталька искренне радовался и продолжал читать дальше.

А Санька радовалась тому, что Виталька радуется. И еще она радовалась тому, что у нее теперь есть такой друг. Совсем не такой, как другие мальчишки, которые только и умеют, что играть в «войнушку». А Виталька не такой, у Витальки волшебная книга.

Слушает Санька Витальку, и вдруг кажется ей, что она начала понимать все, что Виталька на английском читает.

Ну вот же, конечно! Девочка Алиса упала в кроличью нору. А вот она уже кушает волшебный пирожок и вырастает, как башня. А вот карточная королева кричит жутким голосом: «Отрубить ей голову!»

И Санька слушает и уже даже Витальку не видит. Она уже там, в сказке, вместе с Алисой и Виталькиным голосом.

Но вот приходит время обеда. И то ли Виталькина бабушка, то ли Санькина зовет их обедать. И они договариваются, что завтра с утра непременно продолжат. А потом они обедают, потом еще долго-долго гуляют, бегают. Каникулы же.

А вечером как же не хочется расставаться! Но родители зовут, и надо идти спать.

— Я завтра рано-рано за тобой зайду, Санька, — обещает Виталька.

И Санька идет домой, и ложится спать, и еще долго думает: «Как же такое может быть? Ведь я не знаю еще английского языка. Почему же я все понимаю, что Виталька читает? А

¹ «Алисе наскучило сидеть с сестрой без дела на берегу реки...»

может быть, это я просто мультик смотрела? И еще картинки в книге? Вот мне и кажется. Нет, определенно — я понимаю. Если бы не Виталька... Он волшебник... он...

Санька проваливается в сон, проваливается, проваливается. В нору... бежит за белым кроликом — туда, в сказку...

Скорей бы утро, скорей бы к Витальке...

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

С Аленкой Санька познакомилась, когда ей еще пять лет было. Подошла и спрашивает:

— Девочка, как тебя зовут?

— Аленка.

— А сколько тебе лет?

— Четыре годика.

С тех пор еще целый год друзья так и говорили: «А это какая Аленка?» — «А та, которой четыре годика».

А сейчас они уже большие, уже в школе учатся. И хотя в разных классах, все равно не разлей вода. Живут-то рядом.

Однажды Санька рассказала Аленке таинственную историю о параллельных мирах. Мол, в тех мирах тоже люди живут и нас из своего мира видят.

Так Аленка этой новостью прониклась, что стала бояться заходить в пустую комнату. Кто знает, а вдруг там эти, из параллельного мира? Особенно по вечерам страшно. Дедушка за очками посылает в спальню, а Аленку страх за пятки цапает. Она, конечно, храбрости наберется — идет. А чтобы совсем не страшно было, поет песню. Громко так поет, что даже Саньке на пятом этаже слышно.

А Аленка на своем седьмом во все горло поёт — старается. И обычно одну и ту же песню:

— Пара-пара-порадуемся на своем веку-у-у-у!

И вроде не так страшно. Хотя из темной комнаты сломя голову летит.

Слушает Санька день, два, три, как Аленка «пара-пара-порадуемся» поет. Встречает ее на улице, спрашивает — смеется:

— Ты чего, Аленка, певицей решила стать?

— Ничего и не певицей, — обижается Аленка, — тебе вот смешно, а у меня вот такая беда.

И рассказывает о том, как ей страшно. Вдруг те, из параллельного мира, сидят в пустой комнате и ее поджидают?

Санька смеяться перестала. Чувствует — дело серьезное, надо подругу спасать и страх из нее извести. Подумала-поразмышляла, но на ум ничего дельного не приходит.

Вечер. Пора по домам. Санька обычно Аленку всегда провожала. Вот и сейчас. Зашли в подъезд, вызвали лифт. И в этот момент у Саньки родилась интересная идея.

Подъехал лифт, двери распахнул, и Санька громко так и отчетливо:

— Здравствуйте! — да еще поклонилась при этом.

— А зачем это ты, Санька, пустому лифту «здрасьте» говоришь? — недоумевает Аленка.

— Да вот, с параллельным миром здороваюсь. Если с теми, кто там, здороваться, они завсегда добрыми будут.

Обрадовалась Аленка и тоже поздоровалась с пустым лифтом.

С тех пор Санька уже не слышит, как Аленка «пара-пара-порадуемся» поет.

Хотя иногда...

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

Папа вернулся из очередного рейса и рассказал интересный случай.

— Сегодня был шквалистый ветер и один кукурузник перевернуло. Теперь вот на крыше лежит. Завтра будем ставить на шасси.

Заинтересовало это Саньку, полночи заснуть не может. Вот бы посмотреть, как это — самолет кверху тормашками лежит! Утром проснулась рано — спать уже нет мочи. Вскочила, чаю попила, по трубе морзянкой постучала — это знак для Аленки и Андрюшки, чтобы на улицу выходили. И быстренько во двор спустилась. Вскоре и Андрюшка с Аленкой прибежали.

Что случилось?

А вот то и случилось!

— Ух ты, вот бы посмотреть! — у Андрюшки глаза засветились.

— Так в чем дело, как в аэропорт ехать, я уже

знаю. Я там сто раз была. Сядем на троллейбус — и до конечной.

— Боязно как-то, — говорит Аленка, — меня бабушка не отпустит.

— Не бойся, Аленка, я же с тобой буду, — это Андрюшка, как настоящий рыцарь, сказал.

— А у бабушки мы отпрашиваться не будем, — Санька заговорщицки подняла указательный палец вверх.

— Мы только туда и обратно. Одним глазком.

Добежали до остановки, в троллейбус сели. Сидят на задних сиденьях, радуются, ногами болтают.

Приключение!

— А как вы думаете, как будут самолет на шасси ставить? — это Андрюшка спрашивает.

— А там такие краны специальные. Самолетные, — это Санька, конечно, выдумывает. Но когда она выдумывает, она почему-то сама потом в это верить начинает. И оттого ее выдумки очень правдоподобными получаются. И все верят.

— У этих самолетных кранов самые высокие... как их... ну, башни. И самые мощные тросы. И все у них там на кнопках. Нажимают на кнопку — клац! — и из крана трос выезжает и сам за самолет пристегивается. Потом опять — клац! — и трос натягивается и самолет поднимает.

Аленка с Андрюшкой слушают, рты раскрыли. Очень уж все это интересно.

— А потом самый главный командир самых сильных летчиков вызывает, и они уже самолет на шасси ставят. И мой папа тоже будет ставить.

— А твой папа билетики вам купил? — вдруг слышат они строгий голос.

Тетенька-контролер стоит над ними, возвышается и грозно компостером помахивает.

Санька глаза расширила, ресницами захопала. Надо же такому случиться — совсем забыла, что надо билеты на троллейбус покупать.

— Ну что, «зайцы», на следующей остановке в милицию вас отведу. Будете знать, как без билетов ездить.

И вдруг они слышат:

— Не надо в милицию. Это мои дети, а вот и билеты. Будьте добры!

Смотрит Санька, а это папин друг, дядя Петя, тоже летчик. И Саньку он очень хорошо знает, и вообще они с дядей Петей друзья.

Стоит дядя Петя за контролершей, ребятам подмигивает. Контролерша билетики пробила и ушла. А дядя Петя спрашивает:

— Ну, и что мне с вами делать — детский сад?

— А мы не «детский сад», мы уже в школу ходим, — говорит Аленка.

— В школу ходите, а ведете себя как малые дети.

Дядя Петя вообще-то добрый. Он долго сердиться не умеет. Санька об этом знает.

— Дядя Петя, ну очень хочется посмотреть, как самолет на шасси будут ставить.

— Вот оно что! Ну что же, сделаю я вам экскурсию, но потом, Санька, чтобы непременно во всем папе призналась.

Санька губы поджала, глазами заморгала. Эх, папа накажет — это точно. Он вообще-то не наказывальщик, он ее любит, но за такое накажет. А ребята локтями с двух сторон толкают — соглашайся, мол, такое дело нельзя пропускать.

Согласилась Санька.

В аэропорту дядя Петя подвел их к панорамному окну и строго-настрого сказал:

— Отсюда смотрите и чтобы ни шагу из здания!

Далековато, конечно, но ничего не поделаешь. Самолет, вон он, на краю летного поля вверх тормашками лежит. Вокруг люди, техника. Санька даже папу разглядела. Долго самолет обвязывали, крепили. А потом и краном, и руками на шасси ставили. И поставили, наконец.

— А где же специальный самолетный кран? — спрашивает Андрюшка. — Я только обыкновенный заметил.

А Санька стоит, не отвечает. Она даже уже не думает о том, что папе признаваться во всем придется. И не боится уже совсем. Она о другом думает. О том, какая же это все-таки сложная, но интересная профессия — летчиком быть. Здорово, что ее папа летчик.

САНЬКИНЫ КАНИКУЛЫ

ХАТНЫЙ ДУХ В КАСТРЮЛЕ

Однажды папа отвез Саньку в село к бабушке. И такая жизнь началась! В первый же день за Санькой уже бегала вся ребятня, начиная от голопузого Петьки и заканчивая долговязой Иринкой.

Во-первых... Во-первых, обследовали лесок за сельским клубом. Там висели такие качели, которых Саньке в жизни не доводилось видеть. Длинные-предлинные веревки свисали чуть ли не с самых верхушек сосен. Вот это размах! На таких качелях можно и в космос. Особенно, когда звезды и луна.

Во-вторых, измерили глубину местного пруда и попытались пересчитать раков. Но тех было так много, да еще они норовили ухватить клешней кого за палец, кого за нос. В общем, раков пересчитать не удалось. Глубиной пруда остались все довольны.

Сидит ребятня, и ни у кого ничего больше в голову не идет. Вроде Саньке все самое интересное показали. Заскучали. Затылки почесывают, а кто-то даже домой собрался.

— Да не может быть, чтобы у вас больше ничего интересного не было, — говорит Санька в надежде оживить друзей.

— А что у нас в селе может быть? Это у вас, в городе. Вот там много чего, — жалуется долговязая Иринка.

— Вот в городе-то как раз и скучно, — заявляет Санька, — а вот у вас... у вас...

Она задумывается и строит хитрую физиономию.

— У вас заброшенные хаты есть! Вот!

— Ну и что? Чего в них интересного, кроме битых горшков?

— Как это? — удивляется Санька. — А хатные духи?

Честно говоря, это она только что про духов придумала и название дала. А что это за духи и откуда они берутся, она и сама не знала. Но раз уж сказала — гоп...

Глаза ребятни засветились, лица оживились.

— А они страшные, эти хатные духи? — тихо, с опаской спрашивает голопузый Петька.

— Ну... — Санька усердно включает фантазию. — Как тебе сказать. Это смотря с кем. Если вот, например, со взрослыми, то они страшные. А с детьми... Ну не то чтобы страшные. Ну, они просто шутливые.

— А давайте хатных духов встречать! — предложил кто-то.

— Ну, это надо... — Санькина фантазия распустила крылья. — Это надо в полночь. И чтобы у каждого с собой... кастрюля была и... половник. Вот!

— А зачем?

— А потом и узнаете.

Не придумала пока Санька, зачем кастрюли с половниками. Решила подумать об этом до вечера.

— Встречаемся в половине двенадцатого у заброшенной хаты, — таинственно произнесла она и побежала домой.

Ровно в половине двенадцатого команда подтянулась к одной заброшенной хате. Даже голопузый Петька пришел, не побоялся. И принес с собой кастрюлю таких размеров, что в ней сам и поместится.

Продрались друзья сквозь заросли крапивы. Сердца стучат, глаза горят. И страшно, и весело одновременно.

— Ну, и где, Санька, эти твои духи?

— Сначала надо ловушку соорудить, — Санька решила фантазировать на ходу.

Рядом с яблоней нашлась старая веревка. Это как раз то, что надо для ловушки на духов. Привязала Санька веревку к двум деревьям — низенько над землей. И половники на нее повесила.

— А теперь вы свои кастрюли ставьте, — говорит, — да так, чтобы у каждого половника по кастрюле стояло.

Поняли ребята, как ловушку устраивать. Кастрюли расставили, как Санька сказала. Только Петька голопузый свою вверх дном поставил. Кастрюля большая, а он маленький — не справился.

И только он кастрюлю поставил, как, чувствует, кто-то в ней о стенки забился. Бом-м-м-м! Бом-м-м! Бом-м-м!

А кругом темнота, даже луны не видно. Да еще ветер поднялся, деревьями зашевелил.

Жутко как-то сделалось. Ветер все сильнее деревья колыхнет, того и гляди гроза начнется.

— Хатные духи! — закричал голопузый Петька.

— Хатные духи! — закричала Санька.

Ребяшня, не разбирая дороги, сталкиваясь и спотыкаясь, кинулась врассыпную сквозь крапиву и кусты.

Санька за три секунды до бабушкиного дома добежала. Сердце колотится, в ушах стучит.

— Ну их, этих хатных духов, больше ни в жизнь туда не пойду. Вот только кастрюля... и половник. Что бабушка завтра скажет?

А наутро...

Саньку отругали, конечно. Не очень сильно, но все же. Кастрюля-то бабушке нужна. В чем же борщ варить? Да и половник — он в хозяйстве важная вещь. В общем, волей-неволей, а за кастрюлей возвращаться надо.

Бредет Санька улищею нехотя. Ну очень уж к той хате подходить не хочется. Даже днем, когда солнце светит. Кто его знает, может, эти самые хатные духи и днем проказничают.

Подошла к кустам крапивы, а тут из-за угла вся ребятня подтянулась. Стоят, носы повесили, жалуются. Кого в угол ставили, кого ремнем угостили. И всем строго-настрого наказали кастрюли разыскать и по домам вернуть.

Вместе не так уже страшно к заброшенной хате подходить. Набрались храбрости и продираются сквозь кусты.

Подошли к кастрюлям, а Петькина как подпрыгнет!

— Вот он, хатный дух. Попался, — прошептала Санька.

Кто потрусливее, со своими кастрюлями стрекача дал. Остались только Санька, Иринка и Петька. Никак ему без кастрюли домой нельзя.

Делать нечего. Хочешь не хочешь, а надо Петьке помочь. Набралась Санька храбрости, подошла к кастрюле и осторожно приподняла с одного конца.

— Тяф! — раздалось из-под кастрюли. — Тяф! Тяф!

Откинула Санька кастрюлю, а под ней — барбос соседский. Сидит, хвостом виновато повिलывает, радуется, что его из ловушки вызволили.

Переглянулись ребята, Санька затылок по-

чесала, Петька — голое пузо. А Иринка не держала и рассмеялась, и Петька рассмеялся, и Санька вслед за друзьями.

Это ж надо!

Вот он, оказывается, какой — хатный дух.

БЕЛЫЙ САМОЛЕТ

Санька, после того как «на Луну слетала», настоящим героем заделалась. Вся ребятня за ней с утра до вечера бегают. Без Саньки ничего не придумывают, не играют. Даже старшие мальчишки ее зауважали.

Однажды Саньку обступили и спрашивают:

— Это у тебя, что ли, Санька, папа — летчик?

— А он военный или гражданский?

— Да, летчик. Гражданский, — отвечает Санька.

— Ну, это неинтересно.

— Вот военный — это мы понимаем. Это истребители всякие, бомбардировщики.

Саньке обидно сделалось. Да что же это такое — всем мальчишкам войну подавай! Больше и думать ни о чем не умеют.

— Да гражданские в тысячу раз лучше военных, — с вызовом отвечает Санька.

— Это чем же? — ехидно улыбаются мальчишки.

— А тем...

Эх, ну не знает Санька, какой бы аргумент сказать, да так, чтобы им всем сразу доказать. Чтобы они все поняли!

— Тем, что... Тем, что гражданские самолеты — красивые. Они на белых лебедях похожи.

Старшие мальчишки не сразу засмеялись. Они на нее как-то странно взглянули, не ответили ничего и ушли. И только за поворотом раздался громкий хохот.

— Ну и смейтесь, глупые вы, и красоты не видите!!!

Санька лежит на самом верху стога и смотрит на небо.

В небе летит самолет. Белый-белый.словно белая гордая птица.

ОТЧАЯННЫЙ ПОЛЕТ

Отправиться в космос Санька всегда мечтала. И даже верила, что однажды — вот только вырастет — точно придумают такие ракеты, на которых любой желающий сможет слетать на Луну или даже на Марс.

Ну, а пока...

Пока она решила осуществить не совсем взаправдашний полет. Собрала ребятню и объявила во всеуслышание, что отправится в космос.

— Желающим просьба — не опаздывать. Ровно в десять, как стемнеет, собираемся за клубом.

Конечно же, пришли все. Разве такое можно пропустить?

Собрались у качелей. Ждут. Санька готовится. Мотоциклетный шлем, выпрошенный днем у соседа дяди Васи, натягивает.

Кто-то посмеивается:

— Ага, конечно, прямо до Луны долетишь!

Ох уж и задело это Саньку.

— А вот и долечу! — бросает она скептикам, а самой так обидно стало.

«Эх вы! Хотела я, конечно, пошутить. Но раз уж на то пошло... Раз уж вы не верите... Я вам докажу!» — это она с досадой думает.

— Моторчик привязала? — спрашивает ехидно кто-то из ребятни.

— Мне моторчик ни к чему. Я и без моторчика...

— Без моторчика до Луны не дотянешь!

— Не дотяну, конечно. А вы что, и вправду подумали, что я на Луну собралась? А вон до той верхушки — запросто.

Санька в отчаянии показала на самую высокую сосну.

— Хе-хе! До нее даже взрослые мальчишки не долетают.

— А потому не долетают... потому... потому что трусы!

Санька уселась на жердочку, обхватила веревки, а сама чувствует, как поджилки трясутся. Страшно — жуть! Но разве можно отступать, когда... когда всё так серьезно.

«Ну уж нет, — решила про себя Санька, — будь что будет, а я долечу до той верхушки».

Качели с длинными веревками. За деревья крепко привязаны. Впереди обрыв неглубокий, кругом лес сосновый. Садись, разбегаешься и... Чем дальше к лесу разбежишься, тем выше по-над обрывом — к соснам. Санька — человек отчаянный. Раз уж взялась — сделает. А обида, что ей не верят, еще больше сил придала. Разбежалась, аж веревки загудели, откинулась на жердочке и полетела.

Шум в ушах, словно на самолете летишь. И только небо в звездах и земля где-то там, внизу. И уже не страшно. Уже весело. Уже...

Вот еще чуть-чуть, еще...

Ветки колючие, лапами своими мохнатыми по лицу, по рукам... Только руки не разжимать, только вниз не смотреть!

Уже назад... Ветер в спину... Пролетела... Вернулась!

Кто-то подхватил, остановил. Кто-то ура кричит, обнимает.

— Вот это полет!

— Старшие мальчишки обзавидуются!

— Ну, ты молодец, Санька!

А Санька молчит, не улыбается. Она-то точно знает, что не долетела до той самой верхушки. До нее еще ого-го сколько лететь. Даже старшие мальчишки не доберутся. А уж она и подавно. Но ребятня и не заметила ничего. Для них и это настоящий полет.

Часть вторая

ШКОЛА И ВСЯКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КАК САНЬКА БЫЛА РЕЖИССЁРОМ

В школе «Театральную неделю» объявили. Стали думать, готовиться. Санька тут же себя режиссером назначила. Никто и спорить не стал. Все знали, что она фантазер.

Сначала Санька решила «Гамлета» поставить, но, подумав, отказалась. Гамлетов в классе она не видела. Вот если бы Виталька, но Виталька в другой школе учится. А потому «Робин Гуда» решила поставить.

Федька Симочкин, самый высокий в классе, Робин Гудом стал. Остальные мальчишки — разбойниками.

Все готовится. Девчонки костюмы придумывают, мальчишки луки со стрелами мастерят, Санька сценарий пишет.

Настал день первой репетиции. Санька свитер длинный надела, шарфом вязаным шею обмотала, подмышкой папка со сценарием — настоящий режиссер. В зеркало глянула — аж дух захватило: «Эх, жаль только, не на сцене репетировать будем. Уж там бы я развернулась. Ну, ничего, я и из класса настоящую сцену сделаю».

Собрались после уроков, под Санькиным руководством из класса сцену сооружают.

— На сцене главное — кулисы, — говорит Санька, — а у нас кулис нет.

Руки в боки уперла, посреди класса стоит, осматривается.

— А раз у нас настоящих кулис нет, мы их из штор сделаем!

— Это что же, Санька, нам шторы снимать, что ли?

— Ничего снимать не надо. Вы просто за шторами будете прятаться перед выходом. А напротив кулис надо кресла установить, как в театре.

Мальчишки дружно-весело столы к шкафам отодвинули, стулья перед дверью расставили. Теперь точно как в театре — и тебе кулисы, и тебе кресла зрительские. Дело только за репетицией.

И началось.

Санька актеров по местам расставляет, фразы подсказывает, двигаться учит, руками выразительно махать.

Разбойники вместе с Робин Гудом из-за кулис выбегают, за кулисы прячутся, сценки повторяют, репетируют. Санька — режиссер придирчивый, ей надо, чтобы все идеально было.

— Ты, Федька Симочкин, стремительней из-за кулис выбегай. Ты же Робин Гуд, а не барышня кисейная. Тебя бояться должны!

Федька Симочкин старается, кулисы вдохновенно распахивает.

— Вот-вот, Симочкин, уже лучше!

Санька на режиссерском стуле сидит нога на ногу, сценарием помахивает.

Тут кто-то в дверь застучал. Пришлось «зрительные кресла» отодвигать, дверь разбаррикадировать.

Елена Сергеевна вошла в класс — ахнула! Столы друг на друге кучей взгромодились — шкафы подпирают, стулья башнями посреди класса шатаются, того и гляди рухнут. Штора на окне на двух крючках висит, парус после кораблекрушения напоминает. Елена Сергеевна еще раз ахнула и на стул присела. На Саньку смотрит, слова найти пытается. Санька на Елену Сергеевну глядит, слова Елены Сергеевны предугадывает.

Елена Сергеевна ругаться не стала. Уставшим голосом только произнесла:

— Столы-стулья — по местам. Штору постирать, отгладить и завтра на место повесить. Эх, Санька-Санька, есть в тебе один недостаток — ты все воспринимаешь слишком буквально.

ШТОРА

Принесла Санька штору домой. А тут и Виталька в гости пришел. Вместе они штору быстро отстирали, высушили. Принялись гладить. Штора длинная — не сразу и справишься. Санька с Виталькой по очереди утюгом водят. Долго гладили, Саньке даже скучно стало. Ну очень уж однообразная работа. И штора какая-то скучная — ни узорчиков, ни рисунков.

— Скучная какая-то штора, правда, Виталька?

Санька стоит, за Виталькой наблюдает, аж зевать начала. Виталька на Саньку глянул и сам зевнул.

Оба зевнули, не выдержали — засмеялись. Ну не любят они скучать!

— А давай, Санька, мы штору веселой сделаем?

— А давай, Виталька!

Санька с Виталькой — художники, потому им долго думать не пришлось, как штору веселой делать.

Краски, кисти достали и к работе приступили.

Через час скучная штора «повеселела». По низу цветы выются, над цветами — бабочки, над бабочками птицы летают, над птицами — облака солнцем озаряются.

Красота!

— Здорово, Санька, мы с тобой поработали. Такую штору только на выставке показывать.

— На выставке, конечно, не получится, а вот в классе все увидят. У нас класс теперь самый красивый будет, — радуется Санька.

На следующий день раньше всех в школу прибежала, штору быстренько повесила. Села за парту, сидит, любитесь. Ребята в класс заходят, ахают.

Всем нравится.

Елена Сергеевна в класс зашла и тоже ахнула. На штору посмотрела, на стул села.

— Что ты, Санька, со шторой сделала! Я же сказала — выстирать и отгладить. А ты? Ты же ее еще больше испортил!

Санька на Елену Сергеевну глядит, глаза на все лицо распахнула. Не поймет она, как это — «штору испортила». Неужели Елена Сергеевна не видит, какая штора теперь красивая.

А Елена Сергеевна еще больше сердится:

— Это же школьное имущество, Санька, как ты могла его испортить? Что я теперь директору скажу?

Только директора вспомнила, как дверь в класс раскрылась и директор на пороге возник.

Класс встал, и Санька встала. Голову склонила, в уме возможные наказания перебирает.

Директор о чем-то важном сказать хотел, но тут штору заметил.

Присмотрелся, разглядывать стал. То приблизится, то подальше отойдет, словно в музее перед картиной.

— А я и не знал, Елена Сергеевна, что вы та-

кую чудесную штору для класса приобрели. Мне такой красоты еще не приходилось встречать. Все больше какие-то скучные шторы вижу, а эта, смотрите, какая веселая. Вы мне, Елена Сергеевна, адрес магазина скажите. Я, пожалуй, в свой кабинет такую приобрету. А вам благодарность напишу за облагораживание класса.

Саньке, конечно, никто благодарность не написал. Но с тех пор Елена Сергеевна на Саньку с какой-то настороженностью смотреть стала. А ругать и вовсе перестала.

НАТЮРМОРТ С РЯБИНОЙ

Санька теперь в изостудию ходит. Это, конечно, не художественная школа, как у Виталика, но там тоже здорово. Даже натюрморты настоящие рисуют.

Она завтра настоящими масляными красками натюрморт с рябиной будет рисовать. Папа специально купил коробку масляных красок — теперь-то уж Санька точно как настоящий художник. Вот она целый день в школе ни о чем другом и думать не может.

В воскресенье в изостудию можно хоть с самого утра приходить и до самого вечера. Санька и побежала чуть свет. По дороге увесистую ветку рябины сорвала — и себе на натюрморт хватит, и с друзьями поделится.

Санька в изостудию всякий раз тянет с невероятной силой. Всё ей там нравится, всё по душе. Мольберты рядами, гипсовые барельефы, кувшины. Красота!

И учительница у Саньки чудесная — Наталья Сергеевна. Уже научила шар гипсовый рисовать. Рассказала о том, что в пасмурный день тени бывают теплые, а в солнечный — холодные. С тех пор Санька на мир по-другому смотреть стала. Мир для нее теперь еще интересней показался.

Вот такая у Саньки жизнь после летних каникул началась. Замечательная жизнь!

Весь день за натюрмортом просидела. Так ей понравилось масляными красками мазки накладывать, что она решила теперь только так и рисовать. Вернее — писать. Наталья Сергеевна говорила, что художники картины не рисуют,

а пишут. Вот. И Санька теперь пишет. И пусть пока не все получается, самое главное, что желание все сильнее и сильнее. Времени совсем не замечает. Очнулась, лишь когда Наталья Сергеевна сзади подошла и окликнула:

— Санька, я уже домой хочу. Может, закончим на сегодня?

Делать нечего. Пришлось собираться.

Домой прибежала, уроки выучила и спать скорее. Поздно уже, а завтра — в школу.

Всю ночь ей цветные мазки снились. Всю ночь она думала, как в среду продолжит писать свой первый настоящий натюрморт.

А на следующее утро...

На следующее утро все и приключилось.

Проснулась Санька, умылась, зубы почистила, чаю попила — и в школу.

Бежит, опаздывает, как всегда. На улице темно как-то и людей почти не видно. Обычно по дороге всегда друзей встречает, а тут — никого. Редкий прохожий в свете фонаря встречается.

«Странно, — думает Санька, — неужели я так сильно опоздала, что все уже в школу вперед меня пришли? Вот только непонятно — почему же так темно?»

Торопится Санька, что есть духу бежит. В школу залетела, запыхалась, шапку на ходу снимает, пальто расстегивает. В коридоре — никого. Пусто. Ни одного человека.

Думает: «Ой-йой-йой! Точно опоздала. Уроки уже начались. Только вот что же так на улице темно?»

Санька к раздевалке подбегает, пальто на вешалку забрасывает и только тут замечает — раздевалка пуста, одна лишь шапка чья-то сиrotливо на крючке сучает.

Санька глазами хлопает, щипать себя начала. Думает, может, это сон ей снится. Может, она еще не проснулась?

Тут сзади кто-то на плечо руку положил.

— Ты что же, деточка, так рано сегодня? Спала бы себе. Еще целый час впереди.

Оборачивается, а перед ней дяденька вахтер, очки снял, глаза потирает, улыбается.

— Как час, какой час?

И только тут Саньке вспомнилось о переводе времени. Только тут до нее дошло — не опоздала она вовсе, а раньше на целый час пришла.

Санька, конечно, слышала о переводе вре-

мени, но задумываться серьезно не хотелось. Своих интересных дел много. Вчера в школе кто-то сказал, что в воскресенье время переводят, но она как-то мимо ушей пропустила.

Вот такая оказия случилась. Вот как все мысли натюрморт с рябиной захватил.

КАК ХОДИТЬ ПО МАРСУ

Зима выдалась морозная, снежная. Красота! Кругом сугробы. Ледяные горки, снеговик, снежки. После школы заиграешься так, что вечером едва уроки успеваешь приготовить. А у Саньки завтра контрольная по математике. Ох уж эта математика! Ну никак она с Санькой не хочет дружить. Санька иногда берет себя в руки и пытается с ней подружиться, но ничегошеньки у нее не выходит. Вот сидит она на уроке, Елена Сергеевна начинает новую тему объяснять, и Санька сама себе говорит: «Сейчас буду внимательно слушать, ничего не пропущу. И тогда точно все пойму».

Сидит, слушает, слушает, смотрит на Елену Сергеевну и вдруг понимает, что она ее уже совсем не слушает. Она ее глазами любит. Какие у Елены Сергеевны глаза красивые! Она самая молодая учительница в школе — только что из института. И одевается всегда красиво. Вот бы ее портрет написать.

Очнется Санька от мыслей, а уже пол-урока прошло — снова она новую тему мимо ушей пропустила. Беда прямо с этой математикой. А тут еще контрольная на носу!

Санька даже с улицы пораньше пришла, чтобы подготовиться. Решила все примеры, в задачках разобралась. Над иксами-игреками голову поломала. Вроде все понятно. Как там оно завтра — получится, нет ли?

Утром Санька проснулась, позавтракала быстро, оделась и в школу побежала. Контрольная самым первым уроком будет.

Бежит Санька по морозцу и чувствует — странные какие-то ощущения внутри нее происходят. То ли ей тепло, то ли, наоборот, холодно. Не поймет она. И объяснить не может. Ну вот разве что словно по Марсу идет или по Луне, такие вот ощущения. Нет, она, конечно же, не знает, как там, на Марсе и на Луне, ходить,

но почему-то ей кажется, что вот именно так — и холодно, и тепло одновременно. То, что щеки совсем замерзли, это точно. Она их даже на ходу варежками растирать стала. А вот внутри, под одеждой, что-то явно не так.

Санька шаг ускорила. Вот и школа. Поднимается по ступенькам, заходит. А навстречу ей Елена Сергеевна:

— Что это ты, Санька, в школу сегодня пришла? Да еще в такой курточке легкой? Сегодня же занятия отменили. По радио объявляли, что мороз — двадцать девять градусов. Даже десятиклассников освободили.

Санька стоит в вестибюле, глазами хлопает, а еще почему-то зубами стучит. Ну хоть рукой челюсть поддерживай!

Вот оно что! Вот, значит, что это за странные ощущения! Она впопыхах, по рассеянности, осеннюю курточку вместо зимнего пальто надела, и мороз до самых костей ее пробрал.

Елена Сергеевна видит такое дело. Взяла Саньку за руку — и в столовую. Там чаю горячего согрела, напоила.

— Ох, Санька, Санька, что ты за человек такой! О чем думаешь! Вечно в облаках витаешь. Пей чай, а потом я тебя домой на машине отвезу.

Санька чай пьет, греется и думает: «Хорошо все-таки, что контрольной не будет. Я сегодня еще дома позанимаюсь, может, тогда точно разберусь в этих иксах-игреках».

А еще она думает: «Здоровское приключение со мной вышло. Теперь-то я точно знаю, как это по Марсу и Луне ходить».

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Саньке не доводилось еще бывать в зимнем лесу. В летнем она часто бывает, в осеннем тоже. Даже в весеннем однажды березовый сок с папой пила. Мечтает она о зимнем лесу. С Виталькой мечтой поделилась. Виталька идеей загорелся:

— Поедем! Я мольберт возьму. Будем зимние пейзажи рисовать.

В выходной сели на троллейбус — и до конечной остановки. Вышли, дорогу перебежали, и вот он — зимний лес. Ели разлапистые, дубы, осины. И все-все в снегу. А снег белый-белый.

Санька с Виталькой встали, головы вверх задрали, на верхушки деревьев смотрят, молчат, замороженные. Зимний лес от летнего сильно отличается. Зимний, он будто бы строже, задумчивее. В него сразу войти не то что боязно... Нет, не боязно, а почему-то разрешения спросить хочется.

Виталька с Санькой переглянулись, за руки взялись и вошли. И словно бы в другой мир попали. Вот только что шум машин раздавался, а тут тишина. Кристальная, с эхом.

Идут они по снегу, а снег хрустит, словно кто-то яблоки жует.

Нашли живописную полянку. Саньке дерево одно приглянулось — все ветки снегом запорошены, шапками тяжелыми нависают. Вот как раз и будет она это дерево рисовать!

Виталька поодаль мольберт расставил. Все подготовили и в работу с головой окунулись.

Раскрыла Санька коробку с красками, глянула, а белой краски-то нет! Что делать? Как снег писать? Все цвета взяла, а белую забыла.

«Ну, не беда, — думает, — пойду у Витальки попрошу». Подходит, а он стоит, на нее растерянно смотрит. Санька сразу сообразила, в чем дело. И Виталька белую краску не взяла.

Стоят, друг на друга смотрят, что делать — не знают. Без белой краски белый снег не напишешь. Санька на себя разозлилась. Ну, ладно — Виталька, а она-то как просмотрела? Она же у них за Санчо Панса. Стоит, губу закусил — грустит и злится одновременно.

— Поедем домой, Виталька. Что-то мне надоело этот снег рисовать. И вообще неинтересно здесь. Все такое скучное, белое.

Это Санька, конечно, выдумывает. Ничего ей домой не хочется, вот только совсем она расстроилась.

Виталька вздохнул и стал на небо смотреть. Смотрит, будто там ищет чего-то.

А Санька уже и мольберт свой сложила, и за Виталькин принялась.

Вдруг Виталька Саньку за руку взял:

— Смотри, Санька! — И на небо показывает.

На небе еще минуту назад лениво толпились снежные тучи. А тут разошлись-расступились и сквозь них — луч солнечный. Небо прорезал, земли коснулся! Тучи все дальше расходятся, лучей солнечных все больше! Веером сквозь

ветви рассеялись, поляну осветили. Санька с Виталькой замерли в восхищении, словно с неба само волшебство леса коснулось. И волшебство это разноцветное всеми красками блистает.

Минуто назад деревья были черными, а сейчас каких только оттенков не увидишь! И красные, и фиолетовые, и бледно-голубые. Там, где солнце освещает, от золотой охры до светло-желтого — словно в золоте.

А снег? Где белый цвет? Нет белого цвета. Пятна прозрачной синевы танцуют под деревьями, в холодно-розовый переходят, с нежно-голубым встречаются. Каких только оттенков нет!

Санька с Виталькой на ощупь мольберты раскладывают, взгляда от волшебства солнечного не отрывают. Боятся пропустить.

Внезапно ветер подул, с ели пушистый снег сыпать начал. И снег этот, словно во сне, медленно, плавно среди стволов кружит, сквозь лучи солнечных пролетает, волшебством солнечным напитывается и на землю настоящими красками ложится.

Разноцветные снежинки — красные, синие, зеленые, желтые — на Саньку с Виталькой сыплются. И кажется Саньке, что Виталька праздничным конфетти обсыпан. Только конфетти это еще и волшебное к тому же, потому что от него даже сияние исходит.

Санька и лес изобразила, и Витальку с мольбертом. Цветные мазки весело рассыпались по холсту, танцуя снежный вальс.

Закончили работать, отошли подальше, этюды взглядом окинули. Смотрят и не верят глазам. Откуда на работах столько снега?! Ослепительного, искристого, самого что ни на есть настоящего. Вот это чудеса, вот это волшебство! Вот оно, значит, как! Вот, оказывается, что в себе белый цвет таил. Это он только с виду белый. А стоит солнцу коснуться, раскроет он свою волшебную палитру. А ты только успевай цвета смешивать и на холст их накладывать.

ВЕСЕННЯЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ, ИЛИ КАК ПРОБРАТЬСЯ МЕЖДУ ЛУЖ

Санька с Виталькой хоть и в разных школах учатся, но по утрам встречаются и вместе один квартал идут. Вот и сейчас догоняет Санька Витальку, окликает. А тот ее не сразу и услышал. Идет сосредоточенный, под ноги внимательно глядит.

— Эй, Виталька, ты что такой сосредоточенный?

— Не мешай, Санька, я в головоломку играю.

— Как это?

— А очень просто. Весна началась. Под снегом лужи с ручьями растеклись. Вот и выбираю снежные островки покрепче, чтобы в лужу ногой не попасть.

Саньке игра по нраву пришлась. Она тут же в нее включилась.

— Вон на ту кочку ступай, она смотри какая крепкая. Под ней точно лужи нет, — это Санька уже незаметно капитанские полномочия на себя взяла.

Виталька не спорит. Ему с Санькой всегда интересно.

Ступили на кочку, не промокли. Дальше выбирают.

— Смотри влево. Видишь холмик, на лягушку похожий. Идем туда.

И тут крепко оказалось.

Прохожие кругом спешат, в лужи ногами попадают, промокают. Весна как-то внезапно наступила. Кругом растеклось, разлилось. Взрослые хмурятся, а Санька с Виталькой довольные, сухие. Никто и не догадывается, какая это игра чудесная. Это вам не просто так — ступил куда попало. Тут надо сначала участок тротуара внимательно осмотреть, потом островок со снегом найти, а потом еще и решить, надежный он или под ним лужи ручьями растекаются.

— Идем, Виталька, за мной. Я тебя за пару минут на остановку выведу. Вижу профессиональным взглядом, что вон тот островок очень даже надежный.

— Нет, Санька, смотри, какой там снег рыхлый и темный. Наверняка под ним лужа.

— Интересно, кто из нас капитан! Ты или я? Не бойся, Виталька, и доверься мне.

Санька Витальку обнадежила, и они одновременно шагнули. И в луже одновременно оказались! Сидят по пояс в воде, друг на друга смотрят.

— Ой, кажется, промашка вышла, — смутилась Санька.

— Ничего, Санька, из десяти верных ходов один неверный. Это отличный результат.

— Это точно, Виталька. Вот только хоть и один из десяти, но какой-то уж очень сырой. Даже, можно сказать, мокрый.

Встали из лужи, и хочешь не хочешь — домой вернулись. Причем к Витальке. К Саньке в таком виде лучше не ходить. У Саньки бабушка может и родителям сказать. А у Витальки бабушка хоть и поругает, но родителям не скажет. Она с Виталькой всегда заодно.

Санька в школу только к третьему уроку успела.

Елена Сергеевна заставила объяснительную писать. Санька объяснительную быстро сочинила. А после уроков Елена Сергеевна класс собрала.

— Я вас долго не задержу, но мимо такого шедевра пройти не могу.

Извлекает Санькину объяснительную из папки и читает:

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я САНЬКА ИЗ 4-ГО А, ОПОЗДАЛА В ШКОЛУ ПО ПРИЧИНЕ ТОГО, ЧТО МЫ С ВИТАЛЬКОЙ ИГРАЛИ В «ГОЛОВОЛОМКУ». ПРАВИЛА ИГРЫ ПРИДУМАЛ ВИТАЛЬКА (И ВООБЩЕ ВСЮ ИГРУ ПРИДУМАЛ ОН). А ПРАВИЛА ТАКОВЫ: НУЖНО СУМЕТЬ ПРОЙТИ ПО НЕЧИЩЕННОМУ ТРОТУАРУ, ПО НЕ РАСТАЯВШИМ ЕЩЕ ОСТРОВКАМ СНЕГА И НЕ ПОПАСТЬ В ЛОВУШКУ ИЗ ЛУЖ И РУЧЕЙКОВ.

ДЕВЯТЬ ХОДОВ НАМ УДАЛОСЬ ПРОЙТИ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, НО ДЕСЯТЫЙ ОКАЗАЛСЯ ОШИБОЧНЫМ, И МЫ УГОДИЛИ ТАКИ В ЛОВУШКУ. ПОТОМ НАМ ПРИШЛОСЬ ИДТИ ДОМОЙ СУШИТЬСЯ. А ПОКА МЫ ВЫСУШИЛИСЬ, ПРОШЛО ЦЕЛЫХ ДВА УРОКА».

Класс, конечно, хохочет, за животы держится. Елена Сергеевна тоже не удержалась, смеется.

— Ох, Санька! Ну и выдумщица. Вырастешь — писателем станешь. Так и быть, за подобный литературный шедевр не буду я тебе прогул в дневник записывать.

Санька, конечно, обрадовалась. А сама думает: «Как там сейчас Виталька объясняется? Эх, надо было мне две объяснительных сочинить, чтобы и Витальке прогул в дневник не вlepили».

ПОЭТ

Санька давно задумывалась, размышляла: «Вот есть поэты. Вот они стихи пишут. А как это у них получается? Как им в голову такие складные строки приходят?»

Размышляла, размышляла и решила однажды сама поэтом стать. Купила блокнот. На первой странице красивыми буквами вывела: «САНЬКИНЫ СТИХИ».

Надписью осталась довольна. Сидит, ждет, когда ее вдохновение посетит. Ведь поэтов всегда вдохновение должно посещать. Об этом она читала. А еще муза — это такая прозрачная тетенька с венком на голове и золотой арфой. Она на арфе играет, и поэту в голову строки всякие приходят. Это Санька в одном мультике видела.

Ждет она вдохновения, музу на потолке ищет, но как-то ничего ей не сочиняется.

Уже все руки цветочками изрисовала, начала в блокноте рисовать. Это так Пушкин делал. У него все черновики в рисунках. Вот и Санька решила: «Может, порисую и сочинится что-нибудь».

Через час Санька зевать начала, а ни строчки не придумалось. «Хорошо, — думает, — пойдем другим путем. Раз вдохновение с музой не приходят, я их сама призову. Выберу какой-нибудь предмет и о нем стих сочиню».

Осмотрела комнату; книжные полки, рисунки на стенах, шкаф, кровать, письменный стол. На столе учебники, тетрадки, кисти, карандаши. Предметов много, но все какие-то непозитичные. Так Санька размышляет. А потом ей в голову мысль пришла: «Подумаешь — непозитичные. Это, между прочим, от поэта за-

висит — поэтичные или непоэтичные. Вот если я сейчас захочу, да я любой предмет поэтичным сделаю. Даже вот эту полку с книгами».

«Полка на стене висит...» — уверенно начала Санька. Потом задумалась, на полку пристально посмотрела, ручку погрызла, нос почесала. «Висит, — думает Санька, — ну а дальше-то что? Начало вроде хорошее».

«Целый мир в себе хранит...» — пришло ей в голову. «Ух ты, почти полстихотворения уже сочинила», — радуется она.

«Полка на стене висит,

Целый мир в себе хранит», — повторила с замислением в сердце.

«Здесь и горы, и леса,

И ...»

«Какие-то там, — бормочет Санька, — чудеса. — Эх, здорово написала! Ай да я! Ну я даю!» — хвалит она сама себя.

«Вот только какие же там чудеса?... Может, «и чудные чудеса»?.. Нет, как-то не звучит».

Санька снова ручку грызет, затылок чешет: «Чудеса, чудеса... Какие же бывают чудеса?»

Перечитала стихотворение сначала:

*Полка на стене висит,
Целый мир в себе хранит.
Здесь и горы, и леса,
И та-рам-там чудеса.*

Ведь настоящий стих родился! Вот только с одним словом прямо загвоздка получается. Ну никак оно не придумывается, хоть ты тресни!

«Ох, нелегко труд поэта», — сокрушенно подумала Санька, закрыла блокнот и легла спать.

«Может, во сне это слово приснится? Ведь картины во сне мне снятся. Значит, и слово приснится. Надо только начеку быть и не очень крепко спать, а то слово просплю. Ничего-ничего! Я этот стих допишу и еще много насочиняю. Главное — начать. Главное — не сдаваться...»

Санька окунулась в сон. Во сне она видит буквы, те летают по небу, обращаются в облака. А Санька летает между ними и складывает их в слова. А слова складывает в стихи. И, совсем уже засыпая, Санька увидела:

*Самолетный след на небе,
Словно телефонный провод,
Надо только чуть подпрыгнуть,
За тот провод ухватиться.
Ухватиться, изловчиться
И пилоту дозвониться.
— Здравствуй, дяденька пилот!
Вот бы прыгнуть в самолет,
Разлететься в небеса,
Рассмотреть все чудеса.*

САНЬКИН ДНЕВНИК

Однажды Санька купила себе тетрадку и решила вести дневник. Раскрыла тетрадку и на первой странице красивыми буквами вывела: «ДНЕВНИК».

На второй написала: «Кто этот дневник откроет, у того уши на носу вырастут».

Защитила таким образом свой дневник и с тех пор постоянно в нем что-то записывает.

О больших великанах и маленьких Саньках...

Если бы я была великаном и встала бы на берегу моря, то, наверное, увидела бы другой берег. И мне бы стало грустно, потому что море показалось маленьким.

Хорошо, что я не большой великан, а маленькая Санька. Я стою на берегу моря и вижу горизонт. А за горизонтом...

Там столько всего можно понапридумывать...

Просыпаться без будильника...

Папа научил меня просыпаться без будильника. Он летчик, а это почти что как космонавт. Их там всему обучают. Даже как без будильника просыпаться. Ну вот, а вдруг летчик потерпит аварию и приземлит самолет где-нибудь в пустыне или джунглях, или, например, на льдине. И выйдут из строя все приборы. А летчику на следующий день рано вставать, чтобы самолет отремонтировать. Вот тут-то он скажет: «Мне надо проснуться в пять часов утра». И проснется секунда в секунду. Точно-точно. Я сама так пробовала. У меня получи-

лось. Так что мне теперь будильников не нужно. Ну разве что на всякий случай, для подстраховки. Кто его знает? Может, это умение однажды не сработает.

Книги...

А вот если все-все книжки на Земле, все-все, которые написаны, все перечитать... Интересно, сколько на это времени нужно? Наверное, вся жизнь.

Это что же получается? Тогда только сидеть и читать, читать, читать? Ни тебе на улице с друзьями погулять, ни тебе порисовать. И с Виталькой тогда времени не будет видиться. Ой, нет! Я так не хочу. Книжки — это, конечно, здорово, но в жизни все гораздо интересней. Жизнь — это самая интересная книга на свете. Вот!

А книжки здорово читать, когда болеешь. Ты же в этот момент лежишь с температурой, и тебе нельзя гулять. Вот тогда можно почитать. Вот Виталька, когда болел, читал одну взрослую книгу о мальчишке, который путешествовал с обозом купцов. За окном зима, мороз, а в книжке лето, жара. И когда Виталька читал о лете, даже выздоравливать начал. Да-да, он так и сказал: «Эта книга меня вылечила». Вот какие книжки бывают.

Давно-давно, или Улыбка космоса...

Когда я была маленькой, я спросила у папы:
— А когда еще давно-давно, когда еще динозавров не было, кто был?

— В океане жили рыбы.

— А до рыб кто был?

— Маленькие организмы.

— А эти организмы из кого произошли?

— Наверное, из каких-нибудь микробов.

— А микробы?

— Из еще более маленьких организмов.

— А те еще более маленькие организмы?

Папа тут, конечно, задумался, разублабался и не знал, что ответить. А я знала. И сказала:

— А еще более маленькие организмы произошли от еще более-более маленьких организмов. А те, в свою очередь, от...

Тут я, конечно, тоже задумалась. Я представила самые маленькие-маленькие-премаленькие организмы. Стала их делить в воображении и, когда разделила, вдруг увидела... космос. И еще я почувствовала, что космос мне улыбнулся. Прямо как папа.

И это правда. Хотите — верьте, хотите — не верьте.

Олеся ЯНГОЛ

(псевдоним, настоящее имя —

Чмыр Олеся Владимировна) —

художник, писатель.

Публиковалась в журналах «Приокские зори»,

«Волга XXI век», в литературной газете «Изюм».

Автор и иллюстратор нескольких книг для детей,

в числе которых «Приключения Орыси»,

«Подарок с неба» и др.

Член редколлегии журнала «Приокские зори» (Тула).

Живет в Юрмале (Латвия).

В журнале «Север» публикуется впервые.

